

Василий Мантуленко

Обещание на Санторини

Василий Мантуленко

Обещание на Санторини

«Автор»

2026

Мантуленко В.

Обещание на Санторини / В. Мантуленко — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад Анна оставила на греческом острове не просто отпускной роман — она оставила там часть себя, о существовании которой предпочла забыть. Успешный юрист, партнёр московской фирмы, три месяца как разведённая, она едет на Санторини, чтобы просто отдохнуть и не думать о рухнувшем браке. Вместо этого она заходит поужинать в лучший ресторан Ии — и узнаёт в шефе того самого мужчину, которого не могла забыть все эти годы. Костас так и не женился по-настоящему, не пустил корни нигде, кроме этого острова, и никогда не переставал ждать. Но между их несостоявшимся счастьем стоят не только двенадцать лет молчания — есть ещё властная француженка-поставщица вин, не готовая отпустить прошлое, московская карьера, которую придётся оставить, и вопрос, который однажды уже разрушил их жизни: хватит ли смелости выбрать любовь вместо привычного, безопасного пути?

© Мантуленко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСТРОВ	6
Глава вторая. Узнавание	8
Глава 2.1. Лето, которое началось двенадцать лет назад	10
Глава третья. То, что осталось недосказанным	12
Глава четвёртая. Второй шанс начинается на рассвете	14
Глава 4.1. Остров глазами человека, который остаётся	16
Глава пятая. Дни, которые не хотелось считать	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Мантуленко

Обещание на Санторини

ОБЕЩАНИЕ НА САНТОРИНИ

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСТРОВ

Глава первая. Остров, где ничего не забывается

Самолёт заходил на посадку боком к ветру, и в иллюминаторе кальдера Санторини раскрывалась, как трещина в земле, залитая лавой заката — чёрные скалы, белые кубики домов, налепленные друг на друга, будто дети строили город из сахара.

Анна прижала ладонь к стеклу и подумала: зря я сюда вернулась.

Прошло двенадцать лет. Тогда ей было двадцать три, она приехала сюда студенткой с рюкзаком и без единого евро в запасе, работала за жильё в маленькой таверне у моря — убирала со столов, разносила узо пожилым рыбакам, училась греческим ругательствам быстрее, чем словам благодарности, — и влюбилась так, как влюбляются только один раз в жизни, по глупости и без оглядки.

Теперь ей было тридцать пять, за спиной — успешная юридическая практика в Москве, партнёрство, за которое она билась семь лет, квартира на Патриарших, которую они с Игорем выбирали вместе, а делили потом порознь, и три месяца как подписанные документы о разводе. Подруга Оля, единственная, кто видел её не накрашенной и не собранной все эти месяцы, сказала тогда за бокалом вина: «Поезжай куда угодно, только не сиди дома», и она выбрала первое место, которое пришло в голову, не позволив себе задуматься, почему именно оно.

Она соврала себе, что забыла об этом.

* * *

Такси везло её по серпантину от аэропорта, мимо виноградников, стелющихся по земле низкими спиралями — здесь лозы плетут кольцами, чтобы защитить их от вечного ветра, — мимо белёных церквей с голубыми куполами, мимо ослов, лениво щиплющих траву у обочины. Водитель, немолодой грек с прокуренным голосом, пытался разговорить её то на английском, то на ломаном русском, но Анна отвечала односложно, глядя в окно так, будто искала там что-то конкретное.

Она искала. Просто не признавалась себе в этом.

* * *

Отель стоял на краю обрыва в Ие — белый, с синими ставнями, с террасой, нависающей прямо над кальдерой, с бассейном, вода в котором сливалась на закате с морем в одну сплошную синеву без границы. Администратор, молодая гречанка по имени Элени, вручила ей ключ и сказала с улыбкой, слишком широкой для простой формальности:

— Вам повезло, у нас сегодня дегустационный ужин от шефа. Обязательно сходите, вся деревня о нём говорит.

— О шефе?

— Он местная легенда. Уехал когда-то совсем молодым, объехал полмира, работал в Париже, в Нью-Йорке — а потом вернулся и открыл здесь ресторан. Лучший на этой стороне острова. Говорят, вернулся из-за женщины, но это лет десять как быльём поросло.

Анна улыбнулась вежливо и ничего не почувствовала. Совпадения случаются. Мир не настолько мал, чтобы одна история двенадцатилетней давности определяла собой целый остров.

Мир оказался ровно настолько мал.

* * *

Поднявшись в номер, она долго стояла на террасе, глядя вниз, туда, где скалы обрывались в море почти отвесно, а редкие огни лодок рыбаков покачивались на тёмной воде, как забытые кем-то фонарики. Воздух пах морской солью, разогретым за день камнем и чем-то ещё — сладковатым, цветочным, вроде жасмина, растущего где-то в соседнем дворике, — и этот запах

мгновенно, без предупреждения, вернул её на двенадцать лет назад, в то лето, которое она так старательно училась не вспоминать.

Она достала из чемодана ноутбук, как делала это машинально каждый вечер последние несколько лет, открыла почту, увидела десяток непрочитанных писем от клиентов и коллег — и вдруг, впервые за долгое время, закрыла крышку, даже не начав отвечать. Что-то в воздухе этого острова подсказывало ей, что здесь, хотя бы эти две недели, электронные письма могут подождать.

Из окна ресторана внизу доносились обрывки смеха и звон бокалов — начинался тот самый дегустационный ужин, о котором говорила Элени. Анна поймала себя на мысли, что голоден не только желудок, но и что-то другое, давно не кормленное в ней — любопытство, азарт, ощущение, что вечер может преподнести что-то не по расписанию, не согласованное заранее с календарём и списком дел.

Она не помнила, когда в последний раз позволяла себе жить без плана на ближайшие три шага вперёд. Брак с Игорем был спланирован до мелочей — от даты свадьбы, выбранной с учётом сезона бракосочетаний в загсе, до графика отпусков, синхронизированного с его командировками. Партнёрство в фирме было выстроено по чётко просчитанной стратегии, где каждое крупное дело было ступенькой к следующей цели. Здесь, на этом острове, впервые за пятнадцать лет, у неё не было ни единого плана — только смутное, тревожное и оттого пьянящее чувство, что что-то должно случиться.

Глава вторая. Узнавание

Она чуть не осталась в номере — заказать что-нибудь простое на террасу, лечь пораньше, списать усталость на перелёт. Но что-то — упрямство, любопытство, а может быть, инстинкт, который она долго училась игнорировать в зале суда и который сейчас взял верх, — заставило её надеть единственное приличное платье, которое она взяла с собой, и спуститься к ресторану, когда закат уже начал разливаться по небу апельсиновым и розовым.

Ресторан был встроен в скалу, столики на разных уровнях соединялись узкими каменными лестницами, свечи стояли в стеклянных банках, защищённых от ветра, а вид на закат был таким, ради которого сюда специально приезжали туристы со всего острова, бронируя столик за недели. Анна села за столик на двоих — одна, как привыкла быть одна последний год, даже когда формально была замужем, — и открыла меню, где названия блюд были написаны от руки, по-гречески и по-английски.

Шеф вышел к гостям под конец вечера, как это принято в маленьких хороших ресторанах — поблагодарить, спросить, всё ли понравилось, перекинуться парой слов с постоянными посетителями. Анна услышала его голос раньше, чем увидела лицо, и рука со стаканом воды замерла на полпути ко рту.

Костас почти не изменился. Разве что вокруг глаз прибавилось морщин от многолетнего прищура на солнце, а в чёрных, когда-то без единого седого волоса, волосах появилась седина на висках — ровно столько, чтобы выглядеть не старше, а глубже, будто время не старило его, а дорабатывало, как хорошее вино.

Он увидел её через два столика и остановился так резко, что официант за его спиной чуть не врезался в него с подносом, полным тарелок.

— Анна, — сказал он, и в этом единственном слове уместились двенадцать лет.

— Костас, — она попыталась, чтобы голос прозвучал ровно. Не вышло.

Он подошёл медленно, будто боялся, что она исчезнет, если он поторопится, будто она была миражом, порождённым усталостью и слишком долгими сменами на кухне.

— Ты вернулась.

— Я не знала, что это твой ресторан. Клянусь.

— Я бы не поверил, даже если бы знал заранее, — он улыбнулся, но улыбка была неуверенной, как у человека, который не знает, можно ли ещё улыбаться этому конкретному человеку так, как раньше. — Ты хорошо выглядишь, Анна.

— Ты тоже.

Повисла тишина — та самая, полная невысказанного, что случается только между людьми, у которых была общая история, оборванная на середине предложения, не дописанная до точки.

— Могу я присесть на минуту? — спросил он. — Или это будет неуместно?

— Присаживайся, — сказала она, и сердце застучало так, что стало трудно дышать спокойно.

* * *

Он сел, но не так, как садятся случайные знакомые, — а так, как садится человек, много раз мысленно репетировавший этот момент и наконец получивший шанс его прожить. Официант, повинаясь короткому взгляду Костаса, поставил перед ними бутылку белого вина, которую Анна не заказывала.

— Ассиртико с виноградников Пиргоса, — пояснил он, разливая. — Лозы старше меня в три раза. Я подумал, что тебе стоит попробовать вино этого острова заново — не туристический вариант из супермаркета, а то, что пьют местные.

Она сделала глоток и почувствовала на языке минеральную свежесть, лёгкую соль, будто вино впитало в себя воздух моря вместе с виноградным соком. Это было куда сложнее и интереснее, чем то дешёвое домашнее вино, которое они пили двенадцать лет назад из пластиковых стаканчиков на пляже, и в этом отличии — тонком, но заметном — было что-то символичное: оба стали сложнее, глубже, но не потеряли способности удивляться.

— Как ты узнал, что это я, ещё до того, как подошёл? — спросила она. — Прошло двенадцать лет. Я выгляжу иначе, волосы другого цвета, я на десять килограммов не та девочка с рюкзаком.

— Ты смеёшься так же, — ответил он просто. — Я услышал твой смех за два столика раньше, чем увидел лицо. Ты смеялась над чем-то, что сказала твоя соседка по столу — какая-то туристка, кажется, немка. Этот смех я узнал бы где угодно, хоть через двадцать лет.

Анна почувствовала, как к глазам подступают неожиданные слёзы, и поспешно отвернулась к бокалу, будто изучая цвет вина на просвет свечи. Никто, даже Игорь за годы брака, никогда не говорил ей ничего подобного — не о внешности, не о карьерных успехах, а о такой крошечной, незначительной детали, как звук её смеха.

Глава 2.1. Лето, которое началось двенадцать лет назад

В ту ночь, вернувшись в номер после разговора с Костасом, Анна долго не могла уснуть, и память сама, без спроса, развернула перед ней то лето — двенадцать лет назад, когда ей было двадцать три, а весь мир умещался в рюкзаке и обратном билете через два месяца.

Тогда она приехала на остров случайно — подруга по универу собиралась работать в таверне на лето и уговорила поехать вместе, обещая море, дешёвое вино и никакой ответственности. Костасу было двадцать пять, он уже работал поваром в той же таверне, куда более серьёзным, чем остальной персонал, потому что уже тогда мечтал не разносить блюда, а создавать их.

Они познакомились в первую же неделю — она разбила поднос с бокалами, он помог собрать осколки, не сказав ни слова упрёка, только рассмеялся и сказал, что это старая местная примета: разбитая посуда на острове — к счастью, а не к беде. С того вечера они были неразлучны два месяца, которые Анна до сих пор помнила ярче, чем многие годы своей взрослой жизни: ночные заплывы без купальников, когда луна была единственным свидетелем; долгие разговоры на английском вперемишку с её ломаным греческим и его старательным русским, который он учил специально для неё по разговорнику; первое настоящее чувство, не омрачённое ни расчётом, ни компромиссом.

Тогда, в конце августа, она должна была вернуться в Москву заканчивать университет, а он — остаться на острове помогать больному отцу с семейной таверной. Оба были слишком молоды и слишком горды, чтобы предложить что-то серьёзное на расстоянии; оба боялись, что чувство, рождённое морем и солнцем, не переживёт серых будней и разлуки. В аэропорту они не обменялись обещаниями — только долгим объятием и словами «может быть, когда-нибудь», которые оба тогда произнесли, не веря в них по-настоящему.

В Москве её ждал Игорь — однокурсник, надёжный, предсказуемый, тот, кого одобряла мать и с кем было спокойно строить взрослую жизнь без риска. Анна убедила себя, что курортная любовь — это красивая, но не настоящая вещь, вроде сувенира, который со временем теряет смысл. Она вышла замуж через два года, и первое время была уверена, что сделала правильный выбор.

Лишь спустя годы, засыпая рядом с Игорем в их квартире на Патриарших, она иногда ловила себя на мысли, что сравнивает — не специально, помимо воли — обыденную нежность их брака с той яростной, полной жизни любовью одного далёкого лета. Она гнала эти мысли, называла их ностальгией по молодости, а не тоской по конкретному человеку. Только сейчас, двенадцать лет спустя, лёжа без сна в отеле в двух шагах от ресторана Костаса, она позволила себе признать: это никогда не было просто ностальгией.

* * *

Она вспомнила их последнюю ночь тем летом — не драматичную, без слёз и клятв, а тихую, почти будничную, потому что оба тогда были слишком молоды, чтобы понимать, что прощаются не на месяц, а навсегда. Они лежали на пляже до рассвета, завернувшись в одно на двоих полотенце, и Костас, глядя на светлеющее небо, сказал тогда фразу, которую она вспоминала потом годами, стараясь и не в силах забыть: «Знаешь, я думаю, некоторые люди встречаются не вовремя не потому, что это неправильно, а потому что им обоим ещё нужно прожить какие-то другие жизни, прежде чем встретиться снова уже готовыми».

Тогда она восприняла эти слова как красивую, но пустую метафору, способ смягчить расставание романтическим философствованием. Сейчас, спустя двенадцать лет, наблюдая, с какой уверенностью и спокойствием держится взрослый Костас — так непохожий на восторженного мальчишку с разговорником — она подумала, что, возможно, он оказался прав ещё тогда, в двадцать пять, интуитивно предугадав то, что ей самой пришлось познавать на собственных ошибках долгие годы.

Она вспомнила и другое: как в первый год замужества доставала иногда из ящика стола старую фотографию, сделанную на одноразовую камеру тем летом, — она и Костас, загорелые, смеющиеся, на фоне ветряной мельницы в Ие, — и как однажды Игорь нашёл эту фотографию, спросил, кто это, и она соврала, сказав, что это друг детства с дачи. Ложь, которую она тогда не считала важной, теперь казалась ей маленьким, но красноречивым признаком того, что часть её сердца всегда была занята местом, о котором она не готова была говорить вслух даже с собственным мужем.

Глава третья. То, что осталось недосказанным

Он сел напротив, и разговор пошёл рывками — обо всём и ни о чём: о её карьере, о его ресторане, о родителях, которых оба потеряли за эти годы (его отец умер от сердца пять лет назад, её мать — от рака ещё раньше), о жизни, которая случилась с каждым по отдельности, пока они не смотрели друг на друга и не писали друг другу, храня обиду и гордость, как единственное, что у них осталось от той истории.

— Ты так и не вышла замуж за того парня? — спросил он в какой-то момент, без обидных. — Тогда, после острова, ты уехала к нему.

— Вышла. Три месяца назад развелась.

Он молчал секунду дольше, чем требовалось для простого сочувствия.

— Мне жаль.

— Не ври. Тебе не жаль.

Он посмотрел ей в глаза — прямо, без игры, без той дипломатичной вежливости, с которой обычно говорят о чужих неудачных браках.

— Хорошо. Не жаль. Мне жаль двенадцати лет, которые ты потратила не на того человека.

— А ты? — спросила она тише. — Женился?

— Один раз. Развёлся четыре года назад. Детей нет. — Он помолчал, крутя в пальцах бокал. — Хозяйка отеля сказала тебе про женщину, из-за которой я вернулся на остров?

Анна почувствовала, как жар приливает к щекам.

— Сказала.

— Она была права, — сказал он просто, без рисовки, без желания произвести впечатление. — Я уехал отсюда в двадцать четыре, чтобы забыть тебя и доказать себе, что могу построить жизнь где угодно. Объехал полмира, работал в лучших кухнях Парижа и Нью-Йорка, и знаешь что? Я вернулся, потому что понял: некоторых людей забыть невозможно, можно только перестать бежать от того, что чувствуешь.

Анна не знала, что ответить. Слова застряли где-то между гордостью и тем, что она чувствовала все эти двенадцать лет и не позволяла себе называть по имени даже наедине с собой.

— Костас, я...

— Не отвечай сейчас, — перебил он мягко, накрыв её руку своей на секунду и тут же убрав, будто извиняясь за слишком смелый жест. — Ты приехала не для того, чтобы решать что-то за один вечер. Просто... позволь мне показать тебе остров ещё раз. Как в первый раз.

* * *

Они просидели в опустевшем зале ресторана ещё почти час, пока последний персонал не потушил огни на кухне и не разошёлся по домам. Разговор постепенно сместился с болезненных тем на более лёгкие — она рассказала ему о своей первой выигранной судебной тяжбе, нелепой и мелочной, о разделе имущества между братьями из-за старого автомобиля, доставшегося от отца; он рассказал ей о своём первом провале на кухне в Париже, когда, будучи ещё стажёром, спутал соль с сахаром в соусе для целого банкетного зала и был вынужден готовить всё заново за сорок минут до подачи.

Они смеялись — легко, освобождённо, как смеются люди, которым больше нечего скрывать друг от друга после того, как самое сложное уже произнесено вслух. Анна поймала себя на мысли, что не помнит, когда в последний раз смеялась так искренне, без внутреннего контроля над тем, как это выглядит со стороны.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она, когда они уже вышли на пустеющую в этот час улицу, освещённую редкими фонарями. — Мы не виделись двенадцать лет, а я

чувствую себя рядом с тобой так, будто просто вышла в соседнюю комнату и вернулась через пять минут.

— Это потому что некоторые связи не измеряются временем, — ответил он, провожая её к отелю неспешным шагом, будто оба намеренно затягивали этот путь. — Время — это просто фон. Главное — то, что происходит между двумя людьми, а не сколько лет прошло с последней встречи.

У порога отеля он не стал напрашиваться внутрь, лишь коснулся её щеки тыльной стороной ладони — жест настолько нежный и невесомый, что она ещё долго чувствовала тепло этого прикосновения, лёжа без сна в номере и глядя в потолок, разрисованный полосами лунного света сквозь щели ставен.

Глава четвёртая. Второй шанс начинается на рассвете

Он ждал её у отеля в шесть утра, как обещал, — с двумя стаканчиками кофе из единственной открытой в такой час пекарни и старым, побитым мопедом, точной копией того, на котором они когда-то объезжали весь остров, останавливаясь у каждой смотровой площадки, будто торопились увидеть всё до единого заката, которые им были отпущены.

— Ты серьёзно? — она рассмеялась впервые за много месяцев, глядя на этот винтажный драндулет, крашенный в выцветший бирюзовый цвет.

— Абсолютно. Традиции нужно уважать. К тому же мопед тот самый — я его выкупил у прежнего владельца три года назад, узнал случайно на рынке в Фире.

Они ехали по узким дорогам, вдоль виноградников, растущих прямо из вулканической почвы низкими корзинками-спиралями, мимо церквей с голубыми куполами, мимо ослов, которые провожали их равнодушными взглядами, и ветер трепал её волосы точно так же, как двенадцать лет назад, когда всё ещё было впереди, а не позади.

На пляже Красных скал, где вулканический песок отливает ржавым цветом, а вода у берега прозрачна до самого дна, они остановились, сели на тёплый песок, скинули обувь, и молчание между ними больше не давило — оно успокаивало, как старая, знакомая мелодия, которую не слышал много лет, но помнишь каждую ноту.

— Я боюсь, — призналась она наконец, глядя на воду, а не на него. — Не тебя. Того, что снова буду чувствовать так сильно и снова всё потеряю. В прошлый раз это едва не сломало меня.

Костас взял её руку — так же осторожно, как в первый раз, много лет назад, — и переплёл пальцы с её пальцами, будто проверяя, подходят ли они до сих пор друг другу, как детали одного механизма, разобранного и годами лежавшего порознь.

— Тогда мы будем бояться вместе, — сказал он. — Это уже не так страшно, когда не один.

Он наклонился, и на этот раз она сама сократила расстояние между ними — потому что двенадцать лет ожидания научили её не откладывать то, что действительно важно, не проживать жизнь в сослагательном наклонении.

Поцелуй был не таким, как она помнила, — он был лучше, потому что теперь в нём не было спешки юности, только уверенность двух людей, которые наконец перестали убегать друг от друга, зная цену этому бегству лучше, чем кто-либо другой.

* * *

Остаток дня растянулся в череду мест, которые оба помнили и оба боялись показать друг другу заново — вдруг магия исчезла, вдруг это была магия юности, а не магия места. Но нет: смотровая площадка над Ией по-прежнему делала горизонт бесконечным, таверна в Пиргосе по-прежнему подавала лучший осьминог на гриле на острове, а закат над Ией по-прежнему собирал толпы туристов, аплодирующих солнцу, будто оно давало представление специально для них.

Вечером, провожая её до отеля, Костас не стал напрашиваться подняться. Он просто сказал, глядя ей в глаза при свете фонаря у входа:

— Я никуда не тороплюсь, Анна. Мы уже потеряли двенадцать лет — ещё несколько дней ничего не изменят. Я хочу, чтобы ты была уверена, а не увлечена курортным романтизмом.

Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом на своём мопеде, и впервые за долгое время почувствовала не тревогу перед будущим, а тихое, почти забытое ожидание.

* * *

Следующим утром она проснулась раньше будильника, что было ей несвойственно, и долго лежала, разглядывая узор трещин на потолке номера, прежде чем поняла причину этой

непривычной бодрости: она с нетерпением ждала следующей встречи, как не ждала ничего уже очень давно. Это чувство было почти пугающим в своей интенсивности — она отвыкла хотеть что-то настолько сильно, отвыкла позволять себе это желание без немедленного рационального анализа последствий.

Она написала Оле короткое сообщение — «Кажется, тут происходит что-то странное» — и, не дожидаясь ответа, отложила телефон, впервые за долгое время выбрав настоящий момент важнее любой переписки. За завтраком на террасе отеля она поймала себя на том, что улыбается без причины, глядя на кальдеру, и пожилая пара за соседним столиком, встретившись с ней взглядом, понимающе улыбнулась в ответ, будто безошибочно узнавая симптомы состояния, в котором она сама себе ещё не хотела признаваться.

— Тебе идёт это выражение лица, — заметила Элени, принося ей утренний кофе. — Такое бывает у людей, которые внезапно вспомнили, каково это — быть счастливыми.

Анна не нашлась, что ответить, лишь смущённо улыбнулась в чашку, а через час уже сидела позади Костаса на его мопеде, крепко обхватив его за талию, чувствуя загорелую кожу под тонкой льняной рубашкой и позволяя ветру острова выдувать из головы все привычные тревоги пятнадцати лет взрослой, размеренной жизни.

Глава 4.1. Остров глазами человека, который остаётся

На четвёртый день их сближения Костас показал ей ту сторону острова, которую редко видят туристы, приезжающие на неделю ради инстаграмных закатов, — маленькие деревенские церкви, где по воскресеньям всё ещё собирается местная община; заброшенные тропы вдоль старых виноделен, чьи хозяева давно уехали в Афины, оставив полуразрушенные постройки зарастать дикими травами; кладбище рыбацкой деревни, где на потемневших от времени плитах были высечены имена людей, чьи фамилии до сих пор носили половина жителей острова.

Они остановились у маленькой белой церквушки Айос-Николаос, полустёртой временем и ветром, и Костас рассказал ей, что именно здесь крестили его самого, его отца и его деда — четыре поколения одной семьи, привязанной к этому конкретному клочку вулканической земли настолько прочно, что даже мысль об окончательном отъезде казалась ему когда-то почти предательством.

— Когда я уезжал в Париж, — признался он, присев на низкую каменную ограду церковного двора, — мне казалось, что я предаю не только тебя, память о тебе, но и это место, всех этих людей, которые верили, что я останусь и продолжу дело отца. Возвращение было не просто про тебя. Это было про то, чтобы наконец простить себя за уехавшую часть жизни и принять, кем я являюсь на самом деле.

Анна слушала, сидя рядом на тёплом от солнца камне, и думала о собственной семье — о матери, которая всю жизнь мечтала о театре и так и не решилась уехать из Москвы; об отце, чья осторожность определила судьбу целой семьи на десятилетия вперёд. Она вдруг ясно осознала, что боязнь корней, боязнь предать привычное место — это чувство, знакомое ей не понаслышке, просто в её случае оно выражалось иначе: не привязанностью к земле, а привязанностью к правильности, к проверенным решениям, к жизни, которую одобрило бы окружение.

— Знаешь, что забавно? — сказала она наконец. — Ты боялся уехать с острова и предать корни. А я всю жизнь боялась пустить корни хоть где-то, потому что каждое обязательство казалось мне ловушкой. Может быть, нам обоим нужен был кто-то, кто покажет, что можно найти баланс между тем и другим.

Костас взял её руку и молча поцеловал костяшки пальцев — жест, который она уже успела полюбить как его особый, невербальный способ соглашаться с самыми важными вещами, не разбавляя их излишними словами.

* * *

На обратном пути они остановились у старой, полуразрушенной винодельни, которую местные называли просто «дом Манолиса» — по имени последнего хозяина, умершего лет двадцать назад и не оставившего наследников, готовых продолжать семейное дело. Каменные своды, некогда хранившие сотни бочек, теперь заросли дикими травами и колючим кустарником, а крыша местами обвалилась, впуская внутрь косые лучи предвечернего солнца.

— Я иногда прихожу сюда просто посидеть, — признался Костас, устраиваясь на обломке старой каменной ступени. — Это место напоминает мне, что даже то, что кажется незыблемым — семейное дело, традиция, целая жизнь, — может исчезнуть, если некому продолжать. Я не хочу, чтобы мой ресторан превратился в такие руины через тридцать лет.

— Поэтому тебе так важно было вернуться, — сказала Анна, понимая наконец ещё одну грань его решения. — Не только из-за меня. Из-за страха, что дело жизни твоего отца обратится в такие же руины, если ты не подхватишь эстафету.

— Именно. Хотя, если честно, я долго не признавался себе, что это было главной причиной, а не просто побочным эффектом моего решения уехать из Парижа. Проще было думать, что я вернулся ради романтики, ради тебя, ради воспоминаний. Правда куда прозаичнее и

одновременно куда тяжелее: я вернулся, потому что не мог позволить делу моей семьи умереть, как умерла эта винодельня.

Анна обвела взглядом заросшие своды, представляя, как здесь когда-то кипела жизнь — сборщики винограда, скрип давяльных прессов, запах молодого вина, — и подумала о собственной жизни, о карьере, построенной с таким усердием, но так и не ставшей для неё делом, ради которого стоило бы бороться до последнего. Возможно, подумала она тогда, самая большая трагедия — не в том, чтобы потерять дело, которое любишь, а в том, чтобы всю жизнь заниматься делом, которое никогда по-настоящему не любил.

Глава пятая. Дни, которые не хотелось считать

Следующая неделя пролетела так, как летит время только в местах, оторванных от привычного календаря. Анна перестала считать дни по будильнику и начала считать их по свету: рассветный, когда они плавали в бухтах, куда не добираются туристические лодки; полуденный, слепящий, когда она читала на террасе отеля, пока Костас закупал продукты на утреннем рынке; вечерний, золотой, когда ресторан наполнялся гостями, а она сидела за угловым столиком с книгой, которую так и не открывала дальше третьей страницы, наблюдая, как он работает.

Она видела его на кухне впервые на третий день — попросилась посмотреть, как он готовит фирменное блюдо, осьминога, томлёного в собственном соку с местным вином восемь часов. Наблюдать за ним у плиты было почти неприлично интимным зрелищем: сосредоточенность, с которой он пробовал соус на кончике ложки, уверенность рук, режущих зелень без взгляда на нож, короткие резкие команды поварам на греческом, которые тут же сменялись мягкостью, когда он оборачивался к ней.

— Ты всегда так серьёзен на кухне? — спросила она, устроившись на высоком табурете в углу, подальше от огня.

— Кухня — единственное место, где я полностью контролирую результат, — ответил он, не отрываясь от разделочной доски. — В остальной жизни контроля куда меньше, чем хотелось бы.

Она подумала тогда, что в этой фразе было больше правды о нём, чем во всех предыдущих разговорах вместе взятых.

* * *

Ночи они пока проводили порознь — не из-за отсутствия желания, а по какому-то негласному уговору, будто оба чувствовали, что торопиться означало бы обесценить то, что между ними складывалось заново. Но однажды вечером, после того как последний гость покинул ресторан, а персонал разошёлся, Костас налил два бокала местного асиртико и сел рядом с ней на низкую каменную скамью у обрыва.

Луна висела низко над морем, дорожка лунного света дрожала на воде, и где-то вдалеке лаяла собака, а больше не было ни звука, кроме моря, разбивающегося о скалы внизу.

— О чём ты думаешь? — спросил он, заметив, как она задумчиво крутит бокал.

— О том, что через десять дней у меня обратный билет. И я не знаю, что с этим делать.

Он не ответил сразу. Взял её руку, поднёс к губам и поцеловал костяшки пальцев — жест старомодный и от того особенно трогательный.

— Не будем думать про билет сегодня, — сказал он наконец. — У нас есть сегодня. Этого достаточно.

Она позволила себе поверить ему хотя бы на один вечер, склонив голову ему на плечо и слушая, как его сердце бьётся ровно и уверенно под тонкой льняной рубашкой — так непохоже на то смятение, что царило у неё внутри.

Той ночью, когда он проводил её до дверей номера, она впервые не отпустила его руку у порога. Дверь закрылась за ними обоими, и всё, что случилось дальше, было медленным, бережным и совершенно неизбежным — будто двенадцать лет молчания наконец получили право говорить на единственном языке, который не требовал слов.

* * *

Утром она проснулась первой и долго лежала неподвижно, наблюдая, как рассветный свет постепенно заливает комнату, скользя по загорелому плечу спящего рядом Костаса. Она вдруг с удивлением осознала, что впервые за много лет не испытывает того привычного утреннего чувства лёгкой тревоги, планирования дня, мысленного пролистывания списка дел — только полное, ничем не омрачённое спокойствие настоящего момента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.